

Я

уезжал из одного города, а вернулся в другой. Уезжал из одной страны — приехал в другую. И уже не я приехал — другой человек. Поэтому мне было неинтересно в этом городе. Лишь когда проезжал на такси по знакомой улице, все же спросил у пожилого водителя:

— Здесь раньше гараж был?

— Да, вот на этом месте, — водитель показал на огромный гипермаркет из стекла и бетона. — Этого крокодила на месте твоего гаража построили.

И я почувствовал облегчение: город другой, гаража нет — значит, и того, что случилось со мной, больше не существует.

Я рассчитывал уложиться в три дня: похороны моей старшей сестры и поминки не должны были занять больше времени. Пришлось задержаться: все мои многочисленные двоюродные и троюродные братья и сестры стали всерьез обижаться, каждому хотелось увидаться со мной, посидеть, выпить в семейном кругу и все такое. И я побывал в гостях, у кого успел.

Перед отъездом отправился на рынок, чтобы купить детям сушеных бычков, дети у меня уже не маленькие, но этот деликатес любят. К рыбным рядам я двигался минуя овощные, на прилавках — горы по-

мидуров, огурцов, зелени, редиски. Как вдруг услышал женский голос, зовущий жалобно и печально:

— Витя! Витя!

Виктор — это мое имя, я понимал, что эта женщина зовет не меня, но невольно остановился.

Молодая девушка торговала редиской, связанной в пучки; они были разложены рядами на бетонном прилавке, девушка брызгала на них из пульверизатора, чтобы товар выглядел свежее. Рядом, на табуретке, сидела неопрятная, толстая женщина с растрепанными седыми волосами, в нелепом сером платье с широким воротом, похожем на ночную сорочку.

— Витя! Витя! — женщина повторяла это имя с затаенной грустью, и мне казалось, что она обращается ко мне.

Девушка сказала:

— Пожалуйста, не обращайтесь внимания, это моя мать, она давно уже не в себе, всех мужчин называет Витями. Я беру ее с собой на рынок, потому что дома нельзя одну оставить.

— Витя! Витя! — не унималась женщина, глядя на меня пустыми, как у всех сумасшедших, глазами.

Я почувствовал сильное волнение, показалось, что я хорошо знаю эту женщину, вспомнилось все, что с ней связано. Я был виноват перед ней. Бывают события, из-за которых хочется умереть, потому что другого выхода нет. Хотя и это не выход.

Отслужив в армии, я вернулся домой, женился, родилась дочка, работать стал водителем в автопредприятии. Владимир Петрович, директор, доверил мне новый МАЗ с бочкой для питьевой воды. Жизнь вроде бы наладилась, но она меня не вполне устраивала: крутить баранку до седых волос не хотелось, это был путь в тупик, а жить, чтобы оказаться в тупике, неправильно. И я стал студентом-заочником. Городок наш невелик, из высших учебных заведений — только филиал педагогического института, так что выбора не было. Жене мое решение не понравилось: зачем это нужно, ты что, в школе работать собрался, какой из тебя учитель? Это она зря. Жена должна понимать мужа. Я не хотел быть похожим на тех, кто работает вместе со мной в гараже, я должен был отличаться от них.

Объяснить это супруге не удалось, она не слушала, была уверена, что я «выпендриваюсь», хочу выглядеть умнее, чем есть на самом деле.

В гараже коллектив подобрался неплохой, но из-за особенностей характера я ни с кем не дружил, только с Сергеем Савенко. Его жена, Наташа, работала в диспетчерской, выписывала водителям путевки. Она мне очень нравилась. Нехорошо дружить с человеком и при этом глядеть на его жену грешными глазами, но я ничего не мог с собой поделать. У Наташи было не только красивое лицо, но и особенные, притягательные формы. Одевалась она умело: то, чему следовало быть на виду, было на виду и сразу же привлекало внимание. Когда Наташа выписывала путевку, она наклонялась над бланком, и я, глядя на нее сверху вниз из-за перильного ограждения, видел под глубоким вырезом платья полные, налитые груди едва ли не целиком. Могла б, конечно, эта Наташа надевать на работу платья скромнее, чтоб не пялились чужие мужики куда им пялиться не следует. Но она знала, что делает.

Сергей грубо напоминал ей об этом, он вообще с ней не церемонился, кричал на нее при чужих людях, она отвечала соответственно. Не ладилось у них в семье, это было заметно.

Вот так и шло время: с Сергеем мы пили после работы пиво, да и не

только пиво, а утром, в диспетчерской, у меня перехватывало дыхание, когда Наташа выписывала путевку. От законной жены, могу признаться честно, у меня дыхание никогда не перехватывало.

Однажды я не выдержал и подал Наташе вместе с путевкой вдвое сложенный листок: давай встретимся вечером и все такое. Она внимательно прочитала, подняла на меня круглые, красивые глаза и покрутила пальцем у виска: ты сдурел, что ли? Что я мог ответить: да, сдурел, и ты это отлично видишь. Но я думаю, ей была приятна эта записка, какой женщине не нравится внимание? Разве не для этого надевают платье с глубоким декольте?

Мое предложение было категорически отвергнуто, и время шло дальше: мало ли кто в кого влюблен, не складывается любовь, значит, нужно ее забыть. Я это понял и старался больше не смотреть на Наташу грешными глазами, когда получал или сдавал путевку. История моей любви могла бы так и завершиться, если б не возник неожиданный поворот сюжета.

Филиал института, в котором я учился, был в нашем городе, а сам институт — в областном центре, некоторые экзамены приходилось сдавать там: не все преподаватели изъявляли желание ехать в глубинку.

И вот я, сдав экзамен, иду по центральной улице города к железнодорожному вокзалу, чтобы вернуться домой. Как вдруг меня окликают: Наташа. У нее, оказывается, родители здесь живут, и она к ним приехала, навестить. Я обомлел: не ожидал ее увидеть, вихрь мыслей и планов закружился в голове.

Мы обрадовались этой встрече обоюдно, сели за столик в летнем кафе. День был жаркий, мы заказали мороженого, завязался разговор — шуточный, дружеский, — все выглядело так, словно мы заранее договорились встретиться. Когда вышли из кафе, показалось странным вдруг взять и разойтись по своим делам: мне — на железнодорожный вокзал, Наташе — к родителям. И мы пошли на набережную, потом — в кинотеатр, где шел наивный индийский фильм про любовь, над которой следовало смеяться, но нам почему-то над ней смеяться не хотелось. Там, в темноте, мы неожиданно поцеловались, и стало ясно, что мы сходим с ума. Потом вновь гуляли по улицам, расставаться не приходило в голову. Время летело незаметно, стемнело, я забыл, что мне надо ехать домой, и не хотел об этом вспоминать. Мы еще несколько раз целовались — на скамейке в парке, потом — прямо на улице, не стесняясь людей.

Было совсем темно, когда мы вновь оказались в центре города. Я увидел вход в гостиницу, и рискованный план сложился мгновенно. Я попросил Наташу подождать и вошел в гостиницу. Старуха с седыми буклями вопросительно взглянула на меня не вставая с кресла: мест нет. Но в этот вечер было возможно все: я сунул старухе деньги, намного больше стоимости номера, и на всякий случай показал паспорт. Она сразу же все поняла, но посмотрела вопросительно, и я дал ей еще купюру. Старуха показала головой, поражаясь моей щедрости: «Ну, пожалуйста, вы ведь не надолго?», и протянула ключ от номера.

Мы с Наташей разделись сразу же, как только закрылась дверь; то, какая была Наташа без платья, было поразительно, мне и в платье-то на нее невозможно было спокойно глядеть. Мы очнулись часа через два от деликатного стука в дверь. Пора уходить, счастье закончилось. Наташа молча оделась и вышла, не дожидаясь меня, я догнал ее на улице. Долго шли молча, я не знал, как прервать молчание. Наконец сказал:

— Следующий экзамен у меня через неделю.

— Ну и что? — ответила Наташа. — Больше ничего не будет.

Мне было непонятно, почему может больше ничего не быть, я спросил:

— Почему?

— Хорошего понемножку.

— Почему?

— Что ты заладил как попугай: почему да почему. Потому. Я — замужняя женщина, сыну шесть лет, мы с Сергеем планируем дочку родить.

— А как же я?

— Да никак. Побаловались и будет.

Она почувствовала, что так нельзя, это слишком жестоко, остановилась, обняла меня и поцеловала:

— Не обижайся, Витя. Езжай домой, к жене. У тебя есть жена, вот и езжай к ней.

— Нет у меня жены, — сказал я.

Наташа повернулась и ушла, а я побрел на железнодорожный вокзал.

В наших взаимоотношениях с тех пор ничего не изменилось, будто и не было жаркого летнего дня, когда мы сошли с ума. Через два года Наташа родила дочку, и мои надежды растаяли окончательно. А потом случилось то, о чем вспоминать мучительно, словно меня привели на казнь, но казнить раздумали, сказали: живи, если сможешь, — и отпустили.

Сергей Савченко работал на трубоводе. Однажды вечером, возвращаясь из рейса, он пробил колесо, приехал в гараж, измочалив покрышку в хлам. Утром решил колесо заменить и попросил меня помочь прикатить его. Колесо находилось в углу гаража, в самом грязном и труднодоступном месте. Мы с Сергеем по грязи и лужам кое-как прикатали колесо к зданию электроцеха, возле которого начинался асфальт, и прислонили к кирпичной стене. Сергей пошел искать трос, а я — подгонять свой МАЗ, чтобы притащить колесо к трубовозу Сергея.

Сергей зацепил тросом колесо, я сел в кабину МАЗа и стал медленно сдавать назад, к стене. Я видел в зеркало заднего вида, как Сергей машет мне рукой, показывая, что нужно подъехать еще ближе. До форкопа МАЗа, к которому нужно было прицепить петлю троса, было совсем близко. Сергей стоял возле стены, когда я остановил машину, выглянул из кабины и крикнул, чтобы он был осторожным. Но Сергей торопился, он что-то раздраженно ответил, кажется, матом, недовольный моей медлительностью. Я не успел очистить ботинки от грязи, подошвы были скользкими. Я слышал, как Сергей кричит мне: «Давай-давай, смелей, не бойся!» Я сдавал назад рывками, слегка отпуская педаль сцепления. Мне вдруг подумалось о том, что Сергей за последнее время стал очень нервным, что ж, будешь нервным, когда у тебя такая красивая жена. Он несколько раз дрался на пляже, когда посторонние мужики глядя на Наташу щелкали языками и многозначительно качали головами, женился бы вместо Наташи на какой-нибудь чувырле и жил себе спокойно.

Я вновь взглянул в зеркало: Сергей прицепил трос к форкопу и стоял в стороне. Теперь мне нужно было выключить заднюю передачу и включить первую, но когда я стал это делать, скользкая подошва соскочила с педали сцепления, машина рванулась назад, ударилась в кирпичную стену и заглохла. Я услышал крик, но не придавал ему значения, решив, что это реакция Сергея на мой неумелый маневр, наверняка я помял бочку и теперь получу серьезный нагоняй от Владимира Петровича, поскольку машина новая.

Я не знаю, зачем Сергей оказался между машиной и стеной в тот момент, когда моя подошва соскользнула с педали сцепления, может быть, в последний момент решил поправить трос. Как бы то ни было, я придавил его к стене, расплющил. Сергей лежал на земле, сдавленно хрипя. Он умирал. Я замер в оцепенении, еще не сознавая себя убийцей: слишком неожиданно и быстро все произошло. Появились люди, стали что-то кричать, кто-то побежал вызывать скорую помощь. Я не понимал, что мне делать в этой ситуации: каяться, пытаться объяснить свою невиновность? Прибежала Наташа, забилась в истерике. У меня от волнения заложило уши, и я перестал слышать.

Приехала скорая помощь, Сергея увезли, в больнице он умер.

Вспоминаю период своей жизни после того, как погиб Сергей, я удивлялся, что многое не могу восстановить в памяти, отчетливо помнилось лишь непрерывное отчаянье в душе. Вполне возможно, что со стороны я выглядел тогда нормальным — разговаривал, ездил в рейсы, получал путевки от Наташи, вечером сдавал их ей.

Было следствие, молодой парень, старший лейтенант, изучив суть дела, проникся трагичностью ситуации. Он не видел моей вины в смерти Сергея, считал, что причиной происшедшего была «личная неосторожность потерпевшего». Нашлись свидетели происшедшего. Это должно было меня радовать, но меня это не радовало, легче не становилось, я не мог убедить себя в невиновности. Я был близок к сумасшествию, меня следовало изолировать, но среди людей скрыто так много сумасшедших, что я на их фоне не выделялся. Во мне скрывалось два человека: один — обычный водитель, который попал не по своей вине в сложную жизненную ситуацию и ждет ее благополучного разрешения; и другой, которому наплевать на благополучное разрешение судебного разбирательства. У этого человека перед глазами постоянно находился раздавленный им человек, который вдруг поднимался с земли, брезгливо отряхивал с куртки и брюк пыль и спрашивал: «Ты это нарочно, да? Ну признайся, нарочно? Я же знаю, что у тебя с Наташкой в городе было, в гостинице, она мне все рассказала. Так ты вон что задумал, чтобы на ней жениться».

Я просыпался среди ночи, вскидывался, будто пораженный электрическим током, принимался разговаривать сам с собой, оправдываться.

Жена не знала, что со мной делать, я был безумен. Жаловаться она боялась. Жить со мной было не только страшно, но и опасно. Однажды я рассказал ей о том, что произошло в городе, признался, что давно люблю Наташу и теперь обязательно на ней женюсь.

Жена поняла, что я говорю правду, что это не бред сумасшедшего. Мы и раньше жили не слишком дружно, теперь совместная жизнь стала вообще бессмысленной. Она уехала вместе с дочерью к родителям. Это было для меня облегчением, но главное испытание было впереди.

Я дождался, пока меня оправдали в суде, признав причиной гибели Сергея Савченко его личную неосторожность, и пошел к Наташе. Отчего-то я был уверен, что она согласна с мнением суда и ко мне претензий не имеет. Странно, что я мог так думать, но у сумасшедших своя логика. И еще я думал: куда ей теперь деваться с двумя детьми, кому она нужна, а я люблю ее, я буду о ней заботиться, и она это знает. Я предложу ей уехать куда-нибудь, скажем, на Север, начнем с нуля, с чистого листа, это будет совсем другая жизнь. Неужели она не согласится?

Я пришел к ней и стал все это объяснять, но быстро понял, что объяснения глупы и неуместны. Так не говорят женщине, которую хотят ви-

дети своей женой, так объясняют выгоду партнеру, с которым хотят организовать совместную деятельность. Наташа сказала:

— Ты убил моего мужа, а теперь пришел свататься? Ты понимаешь, как это выглядит?

— Это получилось случайно, я не виноват, было следствие, суд постановил, что это личная неосторожность Сергея.

— Мне наплевать на то, что постановил суд, я сама все знаю. Ты решил на мне жениться, поэтому убил моего мужа. Что здесь непонятного?

Ей было все понятно, я мог доказывать обратное сколько угодно. Но мне важно было знать одну деталь:

— Скажи, ты любила меня в тот день, когда мы были в гостинице?

— Не задавай глупых вопросов, ты все отлично знаешь. Я скажу больше: если бы ты не имел отношения к гибели Сергея, я бы с радостью вышла за тебя замуж. Но ты его убил, и теперь это невозможно. Странно, что ты этого не понимаешь.

Я этого не понимал. И еще не понимал, отчего мне досталась на редкость несчастная жизнь, в которой я не имею возможности жениться на женщине, которую люблю.

Я уехал на Крайний Север в поселок, затерянный в тундре, стал работать водителем в геологоразведочной экспедиции, постепенно освоился, привык и даже женился. Не то чтобы я совсем забыл прошлую жизнь, но виделась она мне как бы со стороны, словно старая кинокартина. На Севере собрались люди с причудливыми судьбами, я наслаждался их историй, и происшедшее со мной уже не казалось из ряда вон выходящим, некоторым людям не везло гораздо больше моего, они с этим смирились, перетерпели и жили дальше — куда деваться, если ты жив?

У меня родилось двое детей, летом мы с женой выезжали с ними на море, на курорт, так получилось, что в свой родной город долгое время попасть не удавалось, и я не слишком жалел об этом. Но в этом городе жила моя старшая сестра и другие родственники, которые писали мне письма и хотели повидаться. Я оказался в нем через двадцать лет, приехав на похороны сестры.

— Витя! Витя! — звала женщина.

Я пригляделся внимательней: нет, это не Наташа, совсем не похожа, ничего общего, я ошибся.

— Как зовут вашу маму? — на всякий случай спросил я девушку.

— Зачем вам? — удивилась она, но как зовут маму сказала, подтвердив мои сомнения.

Тем не менее с рынка я ушел удрученным, забыв купить сушеных бычков.

РЫБНОЕ ОЗЕРО

В мою память навсегда впечатано чувство катастрофы, хотя за давностью должно было потерять остроту. Оно вспоминается неожиданно, чаще всего бессонной ночью, события выстраиваются в памяти так отчетливо, словно случились недавно, а не сорок лет назад.

После окончания института я попал по распределению на Крайний Север в геологоразведочную экспедицию глубокого бурения. Для начала меня направили помощником дизелиста в бригаду бурового мастера Сафонова.

Первая вахта тянулась долго, без привычки тяжело было пробить целый месяц посреди тундры — бледно-зеленого болота с редкими небольшими озерами. К тому же зачастили туманы, характерные для сентября. Выйдешь утром из балка, взглянешь на буровую вышку, а кронблока не видно, даже верхние полаты с трудом различимы — и безнадежное одиночество, потерянности в этом суровом мире охватывают с еще большей силой.

Но работе туманы не были помехой, бурение шло как полагается, по плану, проблема заключалась лишь в том, что из-за них не летали вертолеты и с продуктами на буровой появились проблемы.

Густые туманы стояли две недели подряд, и мы дожили до того, что в столовой повариха Надежда Сергеевна стала готовить исключительно манную кашу на завтрак и макароны по-флотски на обед. Сафонов хмурился, фыркал и оставлял половину макарон в тарелке. Хорошо еще, что муки было достаточно, Надежда Сергеевна пекла из нее вкуснейший хлеб с поджаристой корочкой. Но одним хлебом сыт не будешь, и однажды Сафонов, не выдержав, сказал:

— Всю жизнь в тундре работаю, но такой буровой бригады еще не видел. Среди вас рыбаков нет, что ли? Или рыба в озерах перевелась? Неужели вам манная каша с макаронами еще поперек горла не встали?

Рыбаки были, и озеро было в километре от буровой, из него качали воду для бурения, был проложен водопровод. Вполне внушающее доверие озеро, в таком обязательно должна была водиться рыба — пелядь, сиг, хариус, щука. Любой маломальский рыбак, едва взглянув на это озеро, сказал бы, что в нем не может не быть рыбы. Вот и Сафонов был убежден, что она есть, проблема лишь в неумении и лени рыбаков.

Я поступил на работу в сентябре, а скважину забурили еще в конце июля — это самое время для рыбалки. Изготовили из досок лодку-плоскодонку, надежно ее просмолили и отнесли на озеро. На рыбалку ходили регулярно, каждый день после вахты, но озеро было словно заколдовано: сколько ни ставили сетей и переметов, сколько ни делали забросов спиннингом с самыми различными видами блесен — рыба не попадалась. Разве что замороженный хариус длиной в ладонь или мелкая щучка на полкило. Рыбаки были избалованы иными уловами, поэтому энтузиазм их стал гаснуть, пока не угас совсем.

Николай Павлович Сафонов — грузный, почти квадратный, с насмешливыми светло-серыми глазами и седым коротким ежиком на голове — был страстным рыболовом, он не раз порывался попасть на озеро, но у него сильно болели ноги в коленях и спина, поэтому поход он все откладывал. Он пытался соблюдать диету и сбросить вес, который считал главной причиной проблем со здоровьем, но это не удавалось.

Буровой мастер не мог никого обязать пойти на рыбалку, чтобы обеспечить котлобак рыбой, поэтому просто зывал к совести подчиненных.

Первым, кто откликнулся, был слесарь Гулевич:

— Рыба будет.

Этот Гулевич был странным человеком. Есть люди, живущие с торопливой жадностью, с неоправданным риском, без которого им скучно жить, словно обедать без перца и пряностей. На Севере я потом много таких встречал. Для тридцати восьми лет Гулевич выглядел несерьезно: помальчишечьи вертлявый, суетливый, худой, утомительно говорливый, с неподдающимся расческе хохолком волос на макушке, с тлеющей сигаретой в углу рта. Ходил все время в распахнутой телогрейке — ему было жарко. Специалист он посредственный, но с претензией на подвиг: рас-

сказывали, что однажды осенью, когда уже лежал снег, он не побоялся нырнуть в ручей, чтобы зацепить трос за форкоп утонувшего бульдозера. Но рутинный производственный процесс был ему скучен, и, когда требовалось выполнить какую-либо отвлеченную работу — скажем, помочь в столовой, — он мгновенно преображался, брался за дело с азартом, сопровождая его выполнение рассказами о своей прошлой героической жизни. Врал настолько безыскусно, что это было ясно всем, даже юной лаборантке Танюше, но рассказы звучали забавно, слушать их было интересно.

Буровой мастер Гулеви́чем был недоволен:

— Ты совсем дорогу на буровую забыл, целыми днями околачиваешься в жилом городке. Ты слесарь или кухонный работник?

Сафонов был добрым человеком, только по этой причине не выгонял Гулеви́ча.

Готовность Гулеви́ча обеспечить коллектив свежей рыбой он оценил:

— Снасти есть у тебя?

— Найдем. Напарник нужен.

— Это пожалуйста. Вот Гену возьми.

Он мог бы добавить: от него все равно никакого толку нет, но он не добавил из чувства такта.

Толку от меня действительно не было: нас не учили в институте эксплуатации и ремонта дизелей, мне приходилось набираться знаний по ходу работы, и я пока еще мало чему научился. Носил масло, воду, помогал дизелисту Ивану. Вспоминая институтские лекции, ничего полезного из них не мог извлечь: какие-то формулы, графики, расчеты на прочность — сплошная дребедень, к чему мне все это здесь, на буровой? В первый день работы Иван, занятый чем-то, попросил меня пойти на палубу и запустить третий дизель. Я спросил:

— А как?

— Что как? — не понял он.

— Как его запускать?

— Ты что, не умеешь?

— Не умею.

Иван не поленился подняться со мной на палубу и объяснить, каким образом заводится дизель. Он был удивлен, но не подал виду.

У Ивана круглое, всегда улыбающееся лицо, он никогда ни с кем не ругался, даже когда надо ругаться — молчит и тяжело вздыхает.

Решение бурового мастера меня обидело: досадно чувствовать себя пригодным только к рыбной ловле, но приказ начальника не обсуждается, и я пошел вслед за Гулеви́чем в его балок готовить рыболовные снасти.

Я вообще не увлекался рыбалкой, не мог понять фанатичного пристрастия некоторых людей часами глядеть на неподвижный поплавок, поэтому Гулеви́чу был не советчик. Через три-четыре месяца меня должны были перевести на базу экспедиции инженером, не для того меня учили пять лет, чтобы я носил спиннинг и сети с раздолбаем-слесарем. Но я не хотел уходить с буровой, считая, что прежде надо освоить профессию, а потом уж становиться инженерно-техническим работником.

Гулеви́ч желал выглядеть для меня подавляющим авторитетом, чуть ли не большим, чем Сафонов. Сначала он негромко ворчал, потом стал на меня покрикивать, но я сказал:

— Будешь хамить, один пойдешь рыбу ловить, — и он примолк.

Часа за полтора, утопая сапогами в вязкой болотине, мы пробрались к озеру, поставили в протоках три сетки, натянутые на каркасы, называ-

емые телевизорами, и два перемета. На следующее утро пришли и провели снасти: попалось два средних размера хариуса. Еще два дня утомительного хождения на озеро дали примерно такие же результаты. После этого я заметил, что Гулевич стал задумчив и немногословен. Было ясно, что он что-то замыслил. Мне бессмысленное хождение по раскисшей тундре на озеро надоело, и я стал подумывать, каким образом смогу от этого отказаться. Например, болезнь: простуда — повышенная температура, слабость. Или боли в желудке. Ради такого случая стоило даже не пойти на обед и с мучением на лице сообщить об этой проблеме Сафонову.

Очень жаль, что я не реализовал этот план.

Серое, пасмурное небо отражалось в подернутой легкой зябью поверхности озера. Ветер усиливался, я надеялся, что пойдет дождь и рыбалка не состоится. Но Гулевич и не собирался ставить сети. На этот раз он зачем-то взял с собой мелкокалиберную винтовку — «мелкашку». Возможно, он решил заодно и поохотиться, хотя ни зверей, ни птиц я возле озера не видел. Вопросов я задавать не стал: отношения между нами так и не наладились, мы почти не разговаривали. Я презирал этого человека, к тридцати восьми годам он оставался никчемным клоуном, и не было надежд, что он станет другим. Я был болен юношеским максимализмом, Гулевич ни в коей мере не отвечал моим требованиям к настоящему мужчине.

Я проработаю в экспедиции много лет — начальником прокатно-ремонтного цеха, потом — главным механиком, буровое оборудование буду знать во всех подробностях. Я научусь быть терпимым к тем, кто в силу различных причин не смог достичь больших высот.

На берегу озера был настлан фундамент в два наката бревен, скрепленных скобами, на нем сооружено дощатое, обтянутое темно-зеленым брезентом укрытие, в котором располагалась небольшая электростанция и насос для подачи технической воды на буровую. Под стеной укрытия Гулевич — наверное, еще вчера — разглядел кислородный баллон, забытый монтажниками, соорудившими водонасосную. Баллон наполовину тонул в мягкой почве.

Гулевич попытался вытащить баллон, но он прочно влип в тундру и не поддавался. Тогда он раздраженно крикнул мне:

— Чего стоишь, помоги!

Вдвоем мы одолели баллон. Гулевич открутил колпак, напрягшись, открыл двумя руками кран, мощно пшикнув газом.

— Живой, — удовлетворенно сказал он.

— Зачем он тебе? — спросил я.

— Вырастешь — поймешь.

Он что-то задумал. Не знаю почему, но мне его задумка сразу же внушила опасения: едва ли этот человек способен был предложить что-либо дельное.

Он отыскал на берегу несколько монтажниками же оставленных бревен, стальные скобы и стал сооружать плот. Так и не понимая, в чем состоит его секрет и какое отношение он имеет к ловле рыбы, я помогал ему. На плот был водружен баллон с кислородом.

— Объясни, что ты затеял, — попросил я.

Он не ответил, стал молча бродить по берегу озера, отыскивая еще какой-нибудь подручный материал. Нашел два коротких бревна и куски досок.

— Все будет отлично, — Гулевич чувствовал себя уверенно и был в от-

личном настроении. — Рыбы и навялим, и посолим, и для столовой хватит, пусть Сафонов не переживает.

— Что ты меня за дурака держишь, — не выдержал я. — Объясни, что ты хочешь сделать.

— Ты в институте учился?

— Ну и что?

— Если на дизельное масло кислородом подуть, что получится?

Я не знал, что получится, если подуть кислородом на дизельное масло. Может быть, на лекциях в институте об этом когда-то и шла речь, но я не запомнил.

Гулевич, выждав время, необходимое для ответа, с сожалением взглянул на меня и сказал:

— Взрыв будет, студент. Такие вещи надо знать.

— А зачем нам взрыв?

— Чтобы рыбы наловить.

Пока мы возились с бревнами, небо окончательно набрякло свинцовыми тучами, грозно нахмурилось, словно возмущаясь прогрессивным методом ловли рыбы, изобретенным слесарем Гулевичем.

Из подручных средств был сооружен небольшой плот, на нем установлена трехлитровая банка с дизельным маслом. Два плота — большой с кислородным баллоном, у которого будет приоткрыт вентиль, и малый с трехлитровой банкой масла — предполагалось пустить по озеру навстречу друг другу; когда они встретятся, Гулевич выстрелит в банку.

После того как я понял смысл затеи, она мне разонравилась окончательно, Гулевич видел это, но мое слово решающим не было. Как все люди, которым редко выпадает случай принимать ответственные решения, он проявлял удивительную энергию и сообразительность, и чем энергичней он был, тем сильнее зрела во мне уверенность, что все это кончится плохо. Но остановить Гулевича не представлялось возможным.

Сначала все шло по его плану: большой плот и маленький плотик двигались навстречу друг другу и должны были оказаться рядом почти на середине озера, как вдруг ветер сменился, и плотик с банкой масла постепенно прибило к противоположному от нас берегу. Гулевич занервничал:

— Кислород из баллона выйдет, тогда все сорвется.

Он столкнул в воду лодку-плоскодонку, ловко орудуя коротким самодельным веслом, пересек озеро и, зацепив плотик рукой, отбуксировал его, расположив напротив большого плота так, чтобы он двигался в нужном направлении. Гулевич не учел того, что возвращаться к берегу ему придется против ветра. Поняв, что он может не успеть, Гулевич принялся грести изо всех сил, но лодка, сдерживаемая ветром, почти не двигалась с места. Оставалась последняя надежда, что банка после столкновения плотов не плеснет маслом, горлышко ее Гулевич второпях заткнул куском тряпки, но она, набухнув, провалилась вовнутрь банки.

Поняв, что катастрофа неизбежна, я упал лицом в траву, закрыв затылок руками. Страшной силы взрыв потряс воздух, и я понял, что суетливый человек, с которым я только что разговаривал и на которого так сердился, больше не существует. Этот факт никак не мог уместиться у меня в голове, потому что я был мальчишкой, которому вручили диплом и сказали, что он инженер и взрослый человек. Я лежал не шевелясь, не в силах ни о чем думать — жизнь впервые столкнула меня с гибелью человека. Я не представлял, что мне теперь делать. Идти на буровую? Но

меня сразу же спросят, где Гулевич. Мне придется это объяснять, и я не смогу объяснить.

Я лежал довольно долго, как вдруг услышал, что ко мне кто-то идет. Я поднял голову и увидел, что приближается совершенно мокрый, сгорбленный, словно под непосильным грузом, незнакомый мне человек. Судя по одежде и по внешности, это был Гулевич, но это был не он: глаза были пустыми и отрешенными, у Гулевича не могло быть таких глаз. Я вскочил, подбежал к этому человеку, стал его лихорадочно ощупывать, словно проверяя, все ли на месте: руки, ноги, голова. Я что-то спрашивал, не понимая, что спрашиваю. Человек молчал, иногда по всему его телу пробегала волной крупная нервная дрожь.

Поверхность озера была густо усеяна рыбой, всплывшей вверх брюхом — озеро действительно было рыбным, буровой мастер Сафонов не ошибся, — но мы не обращали на это внимания.

